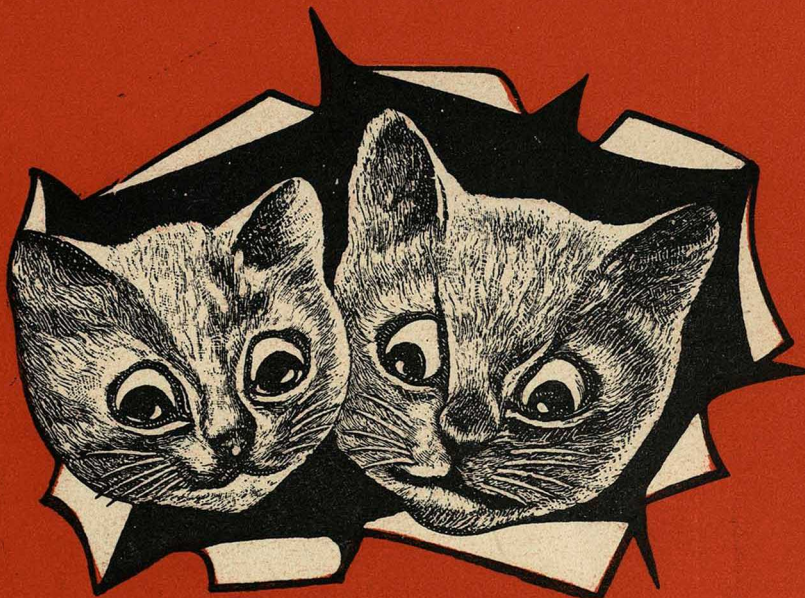

Годъ изданія пятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕСНА.
НА ВСТРѢЧУ (повѣсть).
НОЧЬ.
АКРОБАТЪ.
ДѢТСКІЙ БАЛЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройка передника для дѣвочки.
«Съ мѣста на мѣсто» (игра).

№ 8. Февраль, 1912.

Годъ изданія V-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣвочка съ котенкомъ.

☼ ВЕСНА. ☼

Ужъ вѣтъ жизнью новой,
Проснулось все отъ сна,
Прошелъ Февраль суровый
И шествуетъ весна.

На вѣткахъ бухнуть почки,
Летаютъ мотыльки
И желтые цвѣточки
Пестрѣютъ у рѣки.

Бѣгутъ ручьи, снѣгъ таетъ,
Такъ весело кругомъ!
И пчелка вылетаетъ
Изъ улья за медкомъ.

Въ черемухѣ душистой,
Въ глуши ея вѣтвей,
Ужъ щеленуль голосистый,
Прекрасный соловей.

Шумятъ скворцы, скотину
Пастись погналь пастухъ
И тянетъ паутину
Паукъ въ углу для мухъ.

Комаръ уже кусаетъ...
Летаетъ стрекоза...
Чу! Слышишь? Громыкаетъ
Весенняя гроза!

И ландышъ ароматный
Проснулся ужъ отъ сна...
О, вечеръ благодатный!
О, милая весна!

Ирисъ.

НА ВСТРѢЧУ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

Все время, пока ѣхали на извожикѣ и когда сидѣли уже въ вагонѣ, капитанъ Зиновьевъ задавалъ себѣ вопросъ: кто это окликнулъ его по дорогѣ къ вокзалу? Почему ему показалось, что это былъ голосъ именно его сына Коли? Конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, что Коля попалъ

такъ неожиданно въ Кіевъ, но почему-же именно капитану такъ показалось?

„Это оттого, рѣшилъ онъ,—что я часто о немъ думаю“.

И онъ представлялъ себѣ, какъ передавши Алѣшу его дѣдушкѣ и бабушкѣ, онъ помчится затѣмъ на Сѣверъ, къ себѣ въ Москву, гдѣ

его ожидаетъ его сынъ. Теперь Коля считаетъ, вѣроятно, часы и минуты, когда увидится съ отцомъ. Клеопатра Петровна не пуститъ его, такого маленькаго, на вокзалъ одного, сама будетъ занята службою у себя въ банкѣ, и поэтому, капитана не встрѣтитъ на вокзалѣ никто. Но это ничего не значитъ! Онъ найметъ себѣ самаго лучшаго извозчика и помчится къ сыну.

Капитанъ закрылъ глаза и сталъ воображать знакомую картину: вотъ онъ уже въ Москвѣ, ѣдетъ съ Курскаго вокзала домой и по пути попадаютъ ему Красныя ворота, Сухарева башня, базаръ. Вотъ онъ сворачиваетъ съ Садовой въ переулокъ, подѣзжаетъ къ своей квартирѣ, выскакиваетъ изъ экипажа и бѣжитъ по лѣстницѣ вверхъ. Вотъ онъ звонитъ... По ту сторону двери слышатся шаги Корнѣевны, если только она еще живетъ у Клеопатры Петровны, а затѣмъ раздается радостный, нетерпѣливый визгъ:—„Палочка, папа! Папа пріѣхалъ!“ И къ нему выбѣгаетъ его мальчикъ и бросается къ нему на шею...

И капитанъ вновь вздрагиваетъ и задаетъ себѣ вопросъ:

— Кто-же это такъ явственно кричалъ мнѣ съ трамвая—„Папа, папа!“?

Но усталый Алеша дремлетъ и хочетъ уже спать и капитанъ устраиваетъ ему постель и укладываетъ его на ночлегъ.

— Ничего, ничего, Алексисъ!.. говоритъ онъ ему.—Потерпи еще немного... Скоро кончится нашъ длинный путь. Завтра ты будешь уже у себя!

Алеша усталъ. Онъ ѣдетъ уже пятьдесятъ девятый день и ему хочется поскорѣе побѣгать по травѣ, по песку, поиграть въ игрушки или-же лечь среди пола на животъ и начать разсматривать картинки. Поскорѣе-бы окончился этотъ долгій, утомительный путь, поскорѣе-бы добраться до своего гнѣзда, гдѣ можно было-бы легко и глубоко вздохнуть и сказать:— ну вотъ я уже и дома! И что-бы ни говорили Алешѣ о красотѣ тропическихъ странъ, о величїи океана, о горахъ, заходящихъ за облака, онъ знаетъ теперь по опыту, что лучше родины нѣтъ ничего на свѣтѣ и что куда-бы ни закинула его судьба, онъ всегда будетъ думать о Россїи. Пусть пробуютъ уѣзжать надолго за границу другіе, пусть даже нѣкоторые гимназисты, какъ рассказывала ему когда-то мать, пробуютъ бѣжать въ Америку или на Сѣверный полюсъ, Алеша теперь знаетъ, что безъ родины они не обойдутся никогда и что, какъ только остынетъ ихъ первый пылъ, они тотчасъ-же возвратятся или попросятся домой. И полный радости, что завтра утромъ онъ будетъ уже у своихъ, увидитъ родныя деревья и траву, услышитъ птичьи голоса

и мычаніе скота, онъ улыбнулся и такъ, съ улыбкою, и заснулъ глубокимъ сномъ.

— Вставай! вдругъ услышалъ онъ около себя голосъ. — Уже Ворожба! Нужно пересаживаться въ другой поѣздъ!

Алеша открылъ глаза и увидѣлъ, что было уже утро. Поѣздъ стоялъ около какой-то большой станціи и капитанъ спѣшно укладывалъ свои вещи.

— Скорѣй, скорѣй! заторопилъ онъ Алешу. — Я и самъ проспалъ!

Черезъ десять минутъ они сидѣли уже въ вокзалѣ, за тѣмъ самымъ столикомъ, за которымъ только два дня тому назадъ сидѣлъ Коля, и пили чай. И если бы столикъ умѣлъ говорить, то онъ рассказалъ бы имъ много интереснаго. Затѣмъ они сѣли въ другой поѣздъ на Харьковъ и медленно поплелись до той станціи, недалеко отъ которой находилась усадьба Кузнечное нашихъ одинокихъ, гостепріимныхъ старичковъ.

Въ это утро старички чувствовали себя особенно нехорошо. Среди ночи старушкѣ приснился сонъ. Она видѣла, будто Алешу кто-то укралъ во Владивостокѣ, вывезъ въ море и утопилъ. Самъ по себѣ сонъ былъ нелѣпный, какъ и большинство сновъ, но старушка испугалась, вскочила, стала плакать и долго не могла ускоиться. Старичекъ все время провелъ около нея,

утѣшалъ ее и когда, наконецъ, оба они пришли въ себя, то взошло солнце, кругомъ пробудилась жизнь и они уже больше не спали. Все еще находясь подъ вліяніемъ сна, старушка продолжала думать о своемъ внулкѣ, дѣлала предположенія и горько упрекала себя въ томъ, что отпустила Колю въ Одессу одного.

— Грѣхъ намъ, грѣхъ! говорила она. — Какъ-бы Богъ насъ за это не наказалъ! У самихъ мальчикъ пропалъ безслѣдно, а мы чужого отпустили такъ далеко.

— Что-жъ дѣлать? разводилъ руками старичекъ. — Развѣ можно противиться такой нѣжной искренней привязанности мальчика къ отцу? Нельзя разлучать дѣтей отъ родителей и нужно всеми мѣрами способствовать ихъ сближенію. Удерживать Колю у насъ тоже было бы, душенька, грѣшно!

— Зачѣмъ удерживать! продолжала старушка. — Но можно было бы послать вмѣстѣ съ нимъ кого-нибудь изъ старшихъ... Мало ли что можетъ случиться въ дороге? Этого не проститъ намъ Господь и какъ-бы онъ не наказалъ нашего Алешу за наши грѣхи!

— Богъ милостивъ, душенька!.. старался утѣшить ее старичекъ, хотя и самъ въ душѣ сознавалъ, что было-бы лучше, если бы онъ не отпустилъ Колю одного.

Было прелестное, радостное утро, одно изъ тѣхъ, которыя бывають

ранней весною только въ средней полосѣ Россіи. Пѣли соловьи, шумѣли въ вѣтвяхъ птицы, порхали бабочки и стрекозы и неутомно кричали лягушки. Весь воздухъ былъ пропитанъ нѣжнымъ запахомъ цвѣтущихъ черешень и сливъ и вокругъ гіацинтовъ, тюльпановъ и пѣтушковъ жужжали пчелы. Въ голубой синевѣ неба пѣли жаворонки и издалека, съ поля, доносилось мычанье скота и бляенье овецъ.

Старички сидѣли на ступеняхъ террасы и молчали. Ихъ давно уже ожидалъ утренній самоваръ, но они позабыли о немъ и о себѣ и только думали о своемъ далекомъ внукѣ и о Колѣ. Гдѣ-то они теперь? Живы-ли они? Здоровы-ли? Позаботился - ли кто - нибудь о нихъ? И вдругъ что-то странное, совсѣмъ непохожее на крики и щебетанье птицъ, долетѣло до нихъ со степи. Что-бы это могло быть?

„Сказать - бы, колокольчики“.. подумалъ старичекъ, — „да нѣтъ... У насъ съ колокольчикомъ никто не ѣздитъ... Что-же это такое“?..

Старушка тоже притаила дыханіе и стала вслушиваться. Дѣйствительно, то былъ колокольчикъ. Его звуки то замирали гдѣ-то въ степи, то врывались въ усадьбу и отдаваясь потомъ за прудомъ, замирали снова.

— Господи! воскликнула вдругъ старушка и бросилась къ калиткѣ. — Никакъ это къ намъ! Ахъ, батюшки! Святители-угодники!..

Старичекъ тоже побѣждалъ вслѣдъ за нею и отъ неожиданности не зналъ, что дѣлать и что предпринять.

— Григорій, Марина, Филиппъ! закричалъ онъ. — Эй, люди! Гдѣ вы? Идите скорѣе сюда!

Они оба растерялись, схватились за сердце и снова побѣжали на террасу и съ нея черезъ весь домъ перебѣжали на крыльцо. А колокольчикъ заливался все громче и громче, все ближе и ближе раздавался его звонъ и наконецъ тройка лошадей, волоча за собою цѣлое облако пыли, съ шикомъ въѣхала во дворъ и остановилась у крыльца.

Два человекъ, одинъ военный, капитанъ, а другой — маленькій мальчикъ, въ матросскомъ костюмчикѣ и съ большими кудрями, падавшими ему на плечи, оба сильно запыленные, выскочили изъ коляски и бросились къ старикамъ. У старушки отнялись руки и ноги. Она остановилась у косяка и слезы градомъ полились у нея по щекамъ. Старичекъ тоже поднесъ отъ радости къ глазамъ платокъ.

— Алешенька! залепетала старушка. — Ангелъ мой! Тебя-ли я вижу? Да какъ-же ты выросъ и похорошѣлъ!

Алеша бросился къ ней на шею сталъ ее обнимать, она прижимала его къ сердцу, плакала, не вѣрила своему счастью. Старичекъ стоялъ тутъ-же, то плакалъ

то смѣялся и, чтобы замаять слезы, сморкался въ красный платокъ.

— Ну, а вы, милостивый государь, кто такой? обратился онъ наконецъ къ капитану. — Какъ намъ васъ благодарить, какъ молиться за васъ Господу-Богу за то, что вы пожалѣли насъ и привезли къ намъ нашего молодца?

И пока они знакомились и пока капитанъ Зиновьевъ рассказывалъ имъ, какими судьбами заѣхалъ къ нимъ сюда, Алеша бросился въ комнаты, выбѣжалъ въ садъ, снова вбѣжалъ въ домъ, снова выбѣжалъ изъ него на дворъ и отъ радости просто обезумѣлъ. Слѣдомъ за нимъ бѣгала его бабушка и тоже отъ радости потеряла голову: она бросалась то къ Алешѣ на шею, то къ шкафу съ чайной посудой, то разыскивала какъ нарочно затерявшіеся куда-то ключи. Она сознавала, что первымъ дѣломъ нужно было дать гостямъ поѣсть, но память совершенно измѣнила ей: рѣшительно она позабыла, гдѣ что лежитъ. Съ грѣхомъ пополамъ столъ снова былъ накрытъ дѣвушкой Мариной, гости усѣлись за него, а дѣвушка и бабушка сѣли поодаль и никакъ не могли оторвать глазъ отъ загорѣвшаго лица своего Алеши.

— Каковъ? восхищался имъ старичокъ. — А? Такой маленькій и плыль по Индѣйскому океану и выдержалъ на немъ тайфунъ?

Былъ на островѣ Цейлонѣ и катался въ Индіи на слонѣ? Одно слово — морякъ и адмиралъ!

И вспомнивъ о Колѣ, онъ вздохнулъ разъ и сказалъ:

— На этихъ дняхъ насъ тоже посѣтилъ одинъ мальчикъ-герой. Изъ любви къ своему ненаглядному отцу онъ бросилъ родной домъ и отправился къ Черному морю встрѣчать своего папу, чтобы прижать его къ своей груди...

Но эта его фраза не заинтересовала никого и, занятые собою, счастливые своимъ личнымъ счастьемъ, всѣ говорили только о себѣ и слушали только то, что рассказывали другъ другу о своемъ житьѣ-бытьѣ.

Незамѣтно промелькнулъ этотъ счастливѣйшій изъ дней, и затѣмъ насталъ вечеръ, тихій, нѣжный и ароматный. Отъ пруда потянуло прохладой, отъ сада повѣяло ароматомъ и гдѣ-то въ кустахъ защекалъ соловей. Усталый Алеша скоро задремалъ, а старички и капитанъ еще долго сидѣли въ саду и никакъ не могли наговориться, хотя и были знакомы всего только одинъ день. А когда спустилась ночь и звѣзды одна за другой зажглись на небѣ, то они взошли на балконъ и стали смотрѣть на темныя деревья.

— Хорошо здѣсь у васъ! сказалъ капитанъ. — Какая ночь! Вѣсь вѣкъ просидѣлъ-бы здѣсь на балконѣ и вдыхалъ-бы ея ароматъ!

Признаюсь, даже не хочется отъ васъ завтра уѣзжать.

— Что-же, сказала и старушка, оставайтесь здѣсь у насъ навсегда! Вы привезли къ намъ нашего Алешу и теперь вы для насъ все равно, что близкій родной.

Капитанъ хотѣлъ-было имъ отвѣтить, но въ это время раздался собачій лай и у калитки послышался какой-то странный стукъ. Всѣ вздрогнули и насторожились. Но оставимъ на время обитателей мирной усадьбы Кузнечнаго и возвратимся въ Кіевъ къ тому моменту, когда около кассы III-го класса стоялъ на вокзалѣ Коля и горько плакалъ.

Когда отхлынула волна остраго горя и Коля пересталъ плакать и немного успокоился, то первую его мыслью было собрать всѣ силы своего ума, чтобы обсудить положеніе и рѣшить, какъ поступить. Онъ утеръ слезы, отошелъ къ сторонкѣ, сѣлъ на диванчикъ и сталъ соображать.

До Москвы ему не хватаетъ двухъ рублей. Конечно, онъ могъ-бы сейчасъ пойти въ городъ, на базаръ и продать за эти два рубля свое пальто. Но будетъ-ли честно продавать такъ дешево то, что его отцу стоило такого большого труда? Развѣ попросить эти два рубля у той вотъ дамы, которая сидитъ у столика и, повидимому, богата? О, ни за что на свѣтѣ! Коля не унизится никогда до того, чтобы

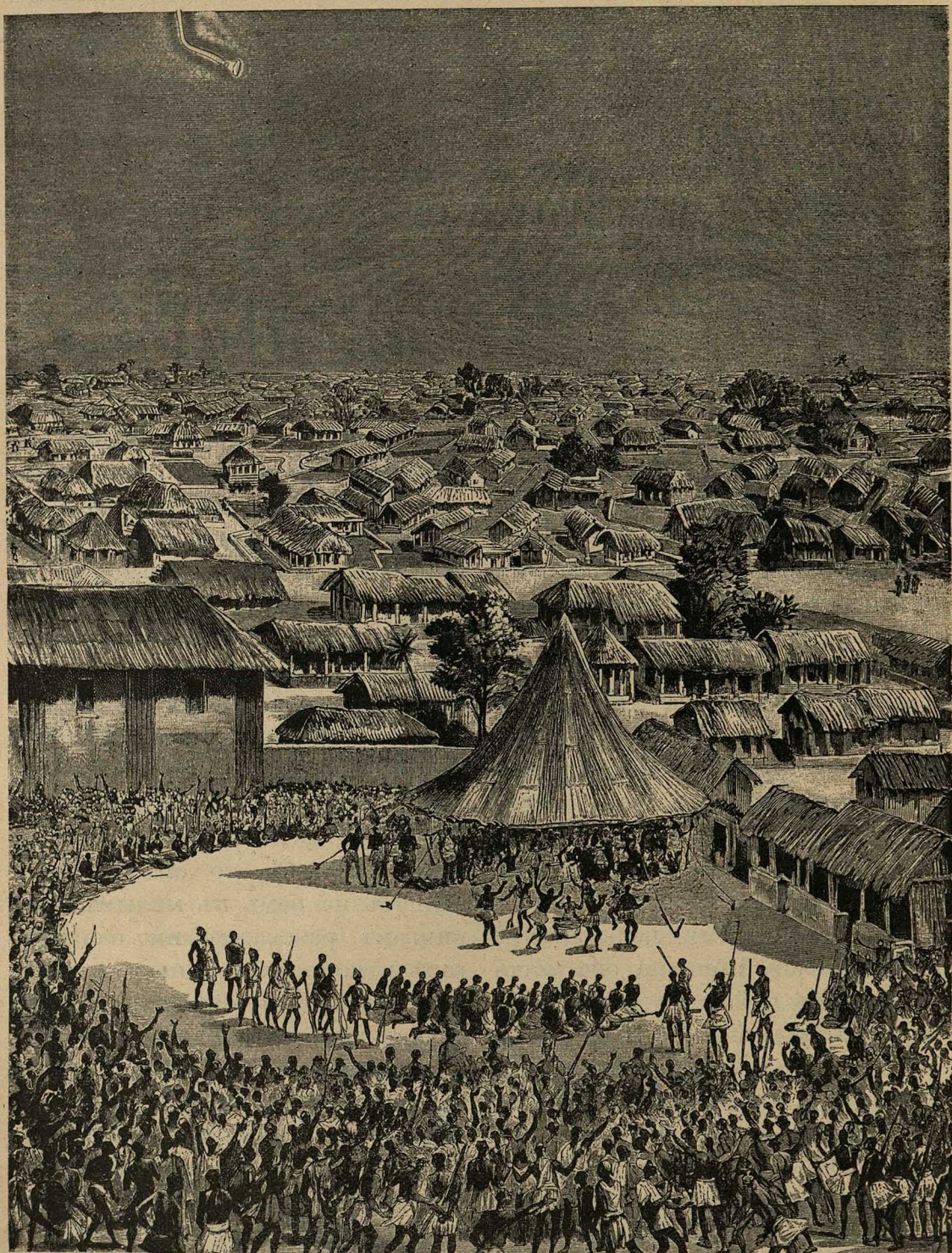
просить, онъ лучше постарается заработать самъ! Но гдѣ отыскать заработка? Сейчасъ уже вечеръ и скоро будетъ ночь. Если онъ останется здѣсь и поступитъ къ кому-нибудь на службу, то этимъ еще болѣе отдалитъ отъ себя свиданіе съ отцомъ. Не отправиться-ли сейчасъ къ Костѣ и не попросить-ли этихъ двухъ рублей у него взаймы? Но гдѣ онъ живетъ? Гдѣ его разыскать? Коля знаетъ только то мѣсто, гдѣ разстался со своими друзьями, когда выскочилъ изъ вагона трамвая, но гдѣ они живутъ, — онъ такъ у нихъ и не спросилъ. Что-же оставалось дѣлать?

И вдругъ счастливая мысль осѣнила его голову. Онъ вскочилъ, улыбнулся и съ радостно забившимся сердцемъ снова побѣжалъ къ кассѣ. Если только этотъ ближайшій, пассажирскій поѣздъ съ третьимъ классомъ останавливается на Ворожбѣ, то онъ поѣдетъ сейчасъ на немъ къ милымъ старичкамъ, расскажетъ имъ о своемъ горѣ и попроситъ денегъ у нихъ. На поѣздъ до Ворожбы у него денегъ хватить вполне, а просить у старичковъ ему будетъ не стыдно, потому что они—свои и поймутъ легко состояніе его души.

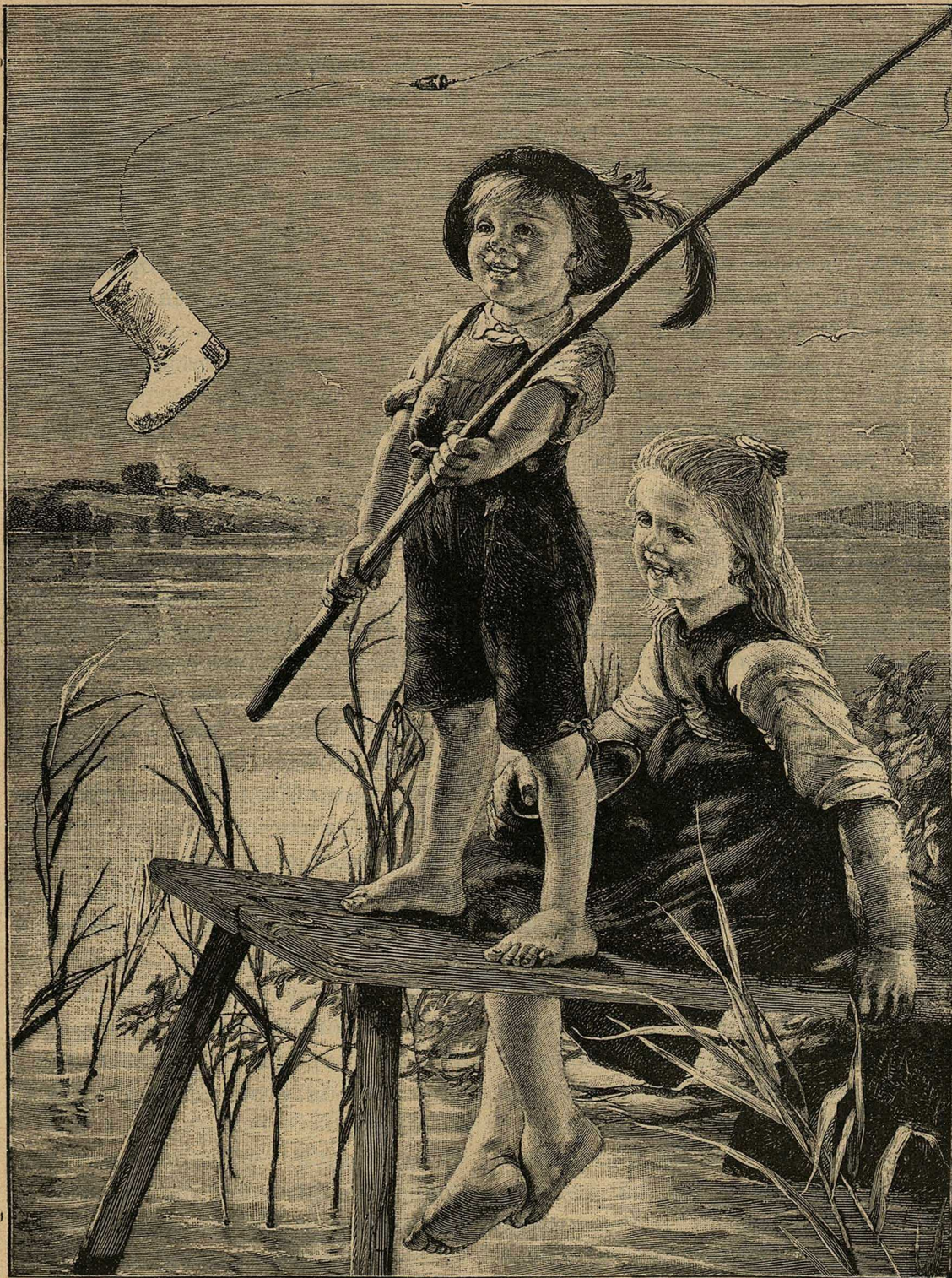
И онъ побѣжалъ къ кассиру и уже весело сказалъ:—

— Билетъ III-го класса до Ворожбы!

Кассиръ выдалъ ему билетъ и

Въ праздничный день на островъ Мадагаскаръ.

Удачный ловь.

вотъ Коля сидитъ опять въ вагонѣ и ожидаетъ, когда снова отправится въ путь. Въ вагонъ входятъ бабы, мужики, евреи и еврейки, начинаютъ пицать дѣти, становится такъ тѣсно, что Колю сжимаютъ съ обѣихъ сторонъ, какъ въ тискахъ, но онъ не замѣчаетъ ничего и только думаетъ объ отцѣ. Гдѣ то онъ теперь? Должно быть, его поѣздъ теперь мчится на всѣхъ парахъ и ускакалъ уже такъ далеко, что его не догонишь до самой Воровжбы.

Но вотъ раздается звонокъ и поѣздъ тяжело снимается съ мѣста и ползетъ такъ, точно не хочетъ отправляться въ путь. Онъ останавливается затѣмъ на каждой станціи, на каждомъ полустанкѣ, шумитъ, шипитъ, гремитъ, въ вагонѣ попрежнему пицать дѣти и Коля всю ночь не можетъ заснуть. Сжатый съ обѣихъ сторонъ, онъ чувствуетъ, что ему отъ духоты нечѣмъ дышать, хочетъ открыть окно, но ему не позволяютъ это сдѣлать, такъ какъ отъ сквозняка могутъ простудиться дѣти. А когда онъ чуть-чуть начинаетъ забываться сномъ и тяжкая усталость смежаетъ ему глаза, какъ въ вагонѣ съ шумомъ врываются на станціи пильщики, косари и бабы и живой волной, проливаются вдоль поѣзда и разыскиваютъ для себя мѣста. Тогда у Коли порывается и безъ того тонкая паутинка между сномъ и

безсонницей, онъ вздрагиваетъ и съ беспокойствомъ оглядывается по сторонамъ. Боже мой, когда-же кончится эта длинная, утомительная ночь, когда-же наконецъ настанетъ день?

— Вы куда ѣдете? обращается къ нему сосѣдь-еврей, который тоже не спитъ.

— Не знаю... отвѣчаетъ Коля и закрываетъ глаза.

— Гм... Странно... Ѣдетъ и не знаетъ, куда...

Но вотъ уже начинаетъ сѣрѣть востокъ, блѣднѣютъ звѣзды и далеко на горизонтѣ показывается узкая, оранжевая полоса. Она все расширяется и расширяется и вдоль и вверхъ, вспыхиваетъ краснымъ заревомъ и вотъ наконецъ показывается и долгожданное солнце! Пробуждаются птицы, блеститъ роса и мимо Коли мелькаютъ еще не погашенные огни на стрѣлкахъ и на семафорахъ, но уже утро и скоро потушатъ и ихъ. Весь вагонъ спитъ, кто сидя, кто уткнувшись въ уголокъ, кто — опустивъ голову на грудь. Коля опускаетъ окно, высовѣваетъ голову наружу и жадною грудью начинаетъ вдыхать въ себя утренній, ароматный воздухъ...

Здравствуй, утро! Здравствуй, милое дорогое солнце! Привѣтъ тебѣ, наступающій день!

Тѣмъ временемъ начинаютъ просыпаться въ вагонѣ и другіе. Проснулись мужики и громко загово-

рили о дѣлахъ; проснулся еврей, надѣлъ на себя бѣлую епанчу и, приткнувшись лбомъ къ стѣнѣ, начинаетъ молиться.

— Ишь, молится!.. говорить какая-то баба.

— Не замай его! отвѣчаютъ мужики.— Пущай молится!

Зазвенѣла посуда, забренчали чайники, началось всеобщее чаепитіе. И когда оно окончилось, то солнце поднялось уже высоко и наступилъ свѣтлый, жаркій день. Все время Коля стоялъ у окна, глядѣлъ, какъ развертывались передъ нимъ вѣромъ поля и лѣса и какъ медленно проплывали малороссійскія деревни съ бѣленькими хатками и пирамидальными тополями и шестикрылые вѣтряки, точно человѣчки, размахивавшіе руками. Въ этомъ однообразіи движенія незамѣтно проходило время, Коля все думалъ объ отцѣ, старался мысленно догнать его и все высчитывалъ часы, стараясь опредѣлить, гдѣ теперь можетъ находиться его поѣздъ.

— Сейчасъ онъ, должно быть, въ Курскѣ или въ Орлѣ, думалъ онъ.—Сегодня вечеромъ онъ будетъ уже въ Москвѣ.

И онъ старался вообразить себѣ, какъ папа подѣдетъ къ ихъ дому, какъ поднимется вверхъ по лѣстницѣ, какъ позвонитъ въ звонокъ и ему отворитъ Корнѣевна.—„Гдѣ Коля?“ спроситъ онъ. И Корнѣевна ему отвѣтитъ:—„Его нѣтъ. Онъ

куда-то убѣжалъ!“ Колѣ было грустно, что такъ нескладно сложилась его встрѣча съ отцомъ, онъ досадовалъ, что такъ медленно ползетъ его поѣздъ, и искренно завидовалъ птицамъ, что они имѣютъ крылья и могутъ летать.

Насушилъ вечеръ и длинныя тѣни легли на землю. Повѣяло прохладой и отовсюду понеслись весенніе ароматы. Жукъ подлетѣлъ къ вагону и еще долгое время летѣлъ въ уровень съ окномъ, изъ котораго глядѣлъ Коля. Раздалось пѣніе соловьевъ и изъ-за горизонта поднялась большая красная луна. И пока сумерки стужались въ ночь, поѣздъ подошелъ къ Ворожбѣ и Коля вышелъ изъ вагона и съ удовольствіемъ размялъ свои члены. Онъ подождетъ здѣсь еще только часъ и отправится затѣмъ далѣе въ усадьбу къ старичкамъ. Все равно дѣло его проиграно, онъ все равно не встрѣтится еще долгое время со своимъ отцомъ, который пріѣхалъ уже сейчасъ въ Москву, - и постарается покорно испить свою чашу до дна и терпѣливо ожидать конца. Если старички дадутъ ему денегъ, то, конечно, онъ тотчасъ-же помчится на сѣверъ къ отцу, а если просить окажется неудобнымъ, то онъ напишетъ домой и будетъ ждать, когда отецъ пришлетъ ему денегъ на билетъ и возьметъ его къ себѣ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ такъ неблагооразумно заѣхалъ въ

такую даль и такъ неразсчитливо израсходовалъ такое дорогое время!

— Бѣдный папа! шепталъ онъ. — Мнѣ не столько жаль себя, какъ его!

Подали поѣздъ на Харьковъ, Коля сѣлъ въ него и поѣхалъ. Какъ и въ первый разъ, онъ ѣхалъ и сейчасъ въ противоположную сторону, совсѣмъ не туда, куда лежалъ его главный путь. Съ каждымъ оборотомъ колеса, онъ все дальше и дальше становился отъ намѣченной цѣли и ему казалось, что онъ дѣлаетъ грѣхъ, удаляясь отъ отца. Но судьба неутомимо влекла его въ сторону, обстоятельства складывались такъ, что онъ поневолѣ долженъ былъ поступать именно такъ, онъ возмущался противъ этого всѣмъ своимъ существомъ, но подъ конецъ смирился и покорно подчинился судьбѣ.

— Все равно! рѣшилъ онъ. — Значить, такъ надо!

Но вотъ ужъ и та станція, близъ которой находится усадьба старичковъ. Уже ночь. Коля забираетъ свои пожитки и выходитъ изъ вагона. Свѣтитъ луна, стрекочутъ насѣкомыя, жужжатъ жуки и гдѣ-то въ сторонѣ кричатъ лягушки. У станціи нѣтъ ни одной души, ни одной подводы. Но что за дѣло! Развѣ Коля не умѣетъ ходить пѣшкомъ? И взваливъ себѣ на плечо узелокъ и подвернувъ штаны, чтобы онѣ не запылились,

онъ отправляется въ путь. Онъ идетъ одинъ подъ высокимъ куполомъ неба, ему свѣтитъ луна, поютъ соловьи и не смотря на поздній часъ и на темныя, протянувшіяся поперекъ дороги тѣни деревьевъ, онъ не боится и все идетъ и идетъ. По бокамъ дороги, въ низинкахъ, встаетъ сѣдой туманъ и отъ него тянетъ пріятнымъ холодкомъ. Деревья испускаютъ свой смолистый аромат и гдѣ-то далеко-далеко впереди горитъ пріятливый огонекъ. Это — усадьба старичковъ.

Но вотъ ужъ Коля и около нея. Бѣлая, каменная рѣшетка протянулась изъ края въ край, стоятъ большія, задумчивыя деревья, во всѣхъ концахъ поютъ соловьи и на прудѣ звонко кричатъ лягушки. Навѣрно, теперь уже всѣ въ усадьбѣ спятъ. Что, если Коля постучить? Если ему отворить сторожъ, то онъ попроситъ его, чтобы онъ пріютилъ его у себя до утра и не будилъ хозяевъ. Завтра утромъ онъ явится къ старичкамъ и расскажетъ имъ о своихъ дѣлахъ...

И онъ робко начинаетъ стучать.

Раздается собачій лай, слышатся голоса, затѣмъ кто-то бѣжитъ къ калиткѣ и онъ слышитъ, какъ чей-то знакомый голосъ говоритъ:

— Не безпокойтесь, я сейчасъ ему отворю!

Но чей это голосъ? Гдѣ его слышалъ когда-то Коля? Отчего при первыхъ-же его звукахъ у Коли

задрожало сердце и всѣмъ существомъ овладѣла безумная радость?

Онъ стучитъ уже, не помня себя, слышитъ приближающіеся шаги и вдругъ видитъ передъ собою какого-то офицера.

— Кто здѣсь? спрашиваетъ офицеръ.

— Это я... отвѣчаетъ Коля и чувствуетъ, что еще одинъ моментъ и онъ лишится чувствъ.

Офицеръ отворяетъ калитку, въ это время луна выходитъ изъ за облаковъ и освѣщаетъ Колю. Офицеръ склоняется надъ нимъ и хочетъ спросить его, кто онъ и зачѣмъ онъ сюда пришелъ. Но Коля взвизгиваетъ и бросается къ нему на шею...

— Папочка! Папа! Папа! кричитъ онъ и уже не помнитъ отъ радости ничего.

Офицеръ хватаетъ его на руки, прижимаетъ его къ себѣ, слезы текутъ у него по щекамъ и онъ не понимаетъ, какъ могло случиться такъ, что его сынъ здѣсь, и не вѣритъ своимъ глазамъ. Въ безумной радости, тѣсно прильнувъ другъ къ другу, они долго еще не могутъ ничего говорить, а кругомъ милліонами голосовъ поетъ вокругъ нихъ теплая южная ночь, надъ ними мерцаютъ тихія звѣзды и свѣтитъ полная, прекрасная луна. Къ нимъ подходятъ старички, видятъ Колю, узнаютъ его, понимаютъ въ чемъ дѣло, и тоже отъ радости начинаютъ рыдать.

А когда проходитъ первый порывъ радости, слаще котораго не можетъ быть ничего на свѣтѣ, то всѣ идутъ черезъ садъ въ домъ и здѣсь снова начинаются восклицанія, объятія, распросы... Заслышавъ голоса, изъ своей спальни выбѣгаетъ въ одной рубашенкѣ проснувшійся Алеша, поднимаются визги, шумъ и бѣготня и угрюмый одинокій когда-то домъ снова оглашается дѣтскими голосами и старичкамъ начинаетъ казаться, что колесо жизни повернулось для нихъ назадъ и счастье снова возвратилось въ ихъ усадьбу.

И, полные тихой радости, счастливые счастьемъ другихъ, они подходятъ къ капитану и къ Колѣ и робко, боясь отказа, говорятъ:

— Оставайтесь у насъ навсегда!

Послѣ долгихъ тревоженій, послѣ столькихъ разочарованій и тревогъ, капитанъ и Коля чувствуютъ себя у тихой пристани, имъ не ловко, что они такъ безцеремонно будутъ пользоваться гостепріимствомъ у совершенно чужихъ для нихъ людей, но чувство какого-то удивительнаго, необъяснимаго родства наполняетъ вдругъ ихъ души, имъ кажется, что эти старички и этотъ ихъ Алеша для нихъ ближе, чѣмъ всѣ люди на свѣтѣ, и также робко, какъ и старички, капитанъ отвѣчаетъ на ихъ предложеніе согласіемъ.

— Благодарю васъ... говоритъ онъ. — Но отпустите насъ только

на недѣлку или на двѣ въ Москву! Мы устроимъ тамъ всѣ свои дѣла и съ большимъ удовольствіемъ возвратимся къ вамъ назадъ.

Старички улыбаются, отходятъ къ сторонѣ и имъ начинаетъ казаться, что къ нимъ возвратилась ихъ молодость и что вмѣстѣ съ ними помолодѣли вдругъ и этотъ старинный домъ и эти вѣковые деревья и этотъ прудъ, на которомъ такъ ярко теперь отражается лунный свѣтъ и такъ весело перекликаются лягушки.

• • • • •

Двѣ недѣли спустя, капитанъ Зиновьевъ, теперь уже въ отставкѣ и въ штатскомъ платьѣ, и Коля, со множествомъ чемодановъ и вещей, на всегда переѣзжали изъ Москвы въ усадьбу старичковъ. Было рѣшено, что капитанъ пріобрѣтетъ себѣ участокъ земли и будетъ служить по выборамъ, а его Коля будетъ учиться съ Алешей въ гимназіи въ Сумахъ и на Рождество, Пасху и на всѣ лѣтніе каникулы они будутъ пріѣзжать въ Кузнечное къ старичкамъ и наполнять своимъ присутствіемъ ихъ жизнь. Старушка будетъ печь для нихъ вкусные пирожки и дѣлать мороженное, а старичекъ будетъ водить ихъ по парку и рассказывать имъ о томъ, что когда-то въ немъ происходило и кто когда-то ходилъ подъ сводами его вѣковыхъ аллей.

И когда капитанъ и Коля меч-

тали объ этомъ и подѣхали наконецъ все къ той-же Ворожбѣ, то ихъ вдругъ окликнулъ чей-то голосъ:

— А, краснокожій братъ мой! Куда ты? Здравствуй, Квито-Ястребиное крыло!

Коля обернулся и увидѣлъ передъ собою Костю Оттопырина.

— Здравствуй, Костя! воскликнулъ онъ.—Ты куда?

— Да вотъ ѣду въ Сумы, отвѣтилъ Монтезума-Соколиный Глазь. — Хочу поступить тамъ въ кадетскій корпусъ!

— Значить, ты тамъ будешь и жить?

— Да... А ты гдѣ будешь учиться?

— Я? Тоже въ Сумахъ!

Къ нимъ подходитъ какая-то дама въ черномъ и съ ней очаровательная дѣвочка лѣтъ восьми. Коля узнаетъ въ этой дамѣ Костину мать.

— А это моя сестра Надя! рекомендуетъ ему дѣвочку Монтезума-Соколиный Глазь. — Это та дѣвочка, которая не захотѣла бѣжать въ Америку и быть индѣйкой!

Но въ это время звонитъ звонокъ и всѣ гурьбой отправляются къ поѣзду и садятся въ вагонъ.

Они ѣдутъ въ Сумы и мечтаютъ о томъ, какъ будутъ встрѣчаться еще не разъ и какъ весело потечетъ ихъ совмѣстная жизнь!

Пожелаемъ - же имъ, читатель, счастливаго пути и разстанемся съ ними навсегда.

КОНЕЦЪ.

М. Б—скій.

НОЧЬ.

Спустилась ночь. Зажглися миллионы
Алмазныхъ звѣздъ, затихли вѣтерки,
Взошла луна и раздалися стоны
Лягушекъ въ камышахъ у береговъ рѣки.

Трещать кузнечики, летятъ жуки съ гудѣньемъ,
Смолистымъ запахомъ ужъ тянетъ отъ вѣтвей,
И темный паркъ своимъ удалымъ пѣньемъ
Сталь оглашать прелестный соловей.

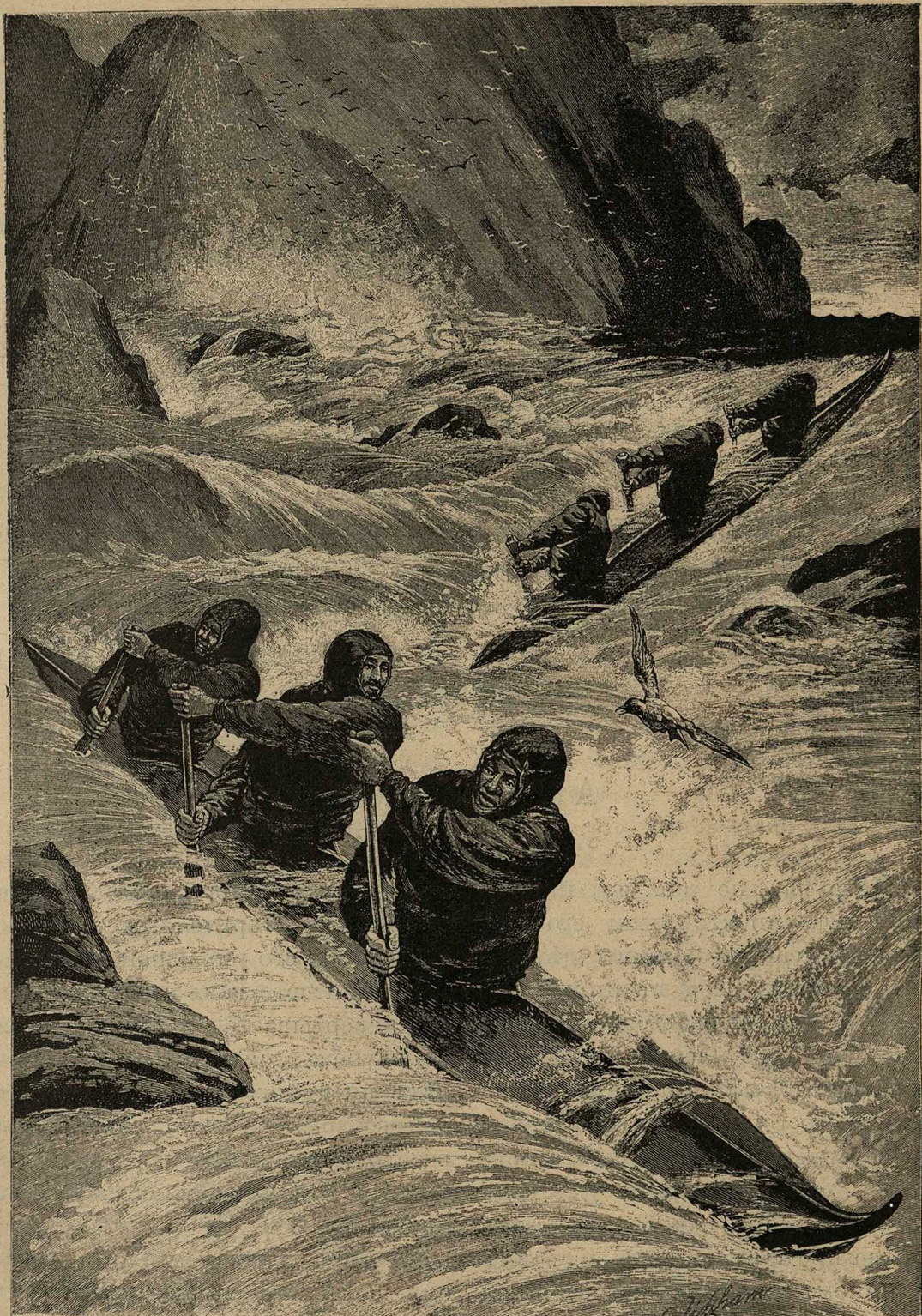
Повсюду тишь... Не лаютъ собачищи...
Трава блеститъ отъ капелекъ росы
И гдѣ-то далеко, въ селѣ иль на кладбищѣ,
Вдругъ сторожъ прозвонилъ печальные часы.

Кузнечикъ.

АКРОБАТЪ.

Петруша не зналъ, ни кто за его страданія деньги. И во онъ самъ, ни кто были его род- всѣхъ этихъ зрителяхъ, которые ные. Съ самаго ранняго дѣтства глядятъ на его упражненія на тра- онъ помнилъ себя въ циркѣ, гдѣ пеціи или на то, какъ неестественно его учили кувыраться, выламы- онъ свертывается всѣми членами вали ему всѣ члены, чтобы онъ въ клубокъ, онъ за всѣ эти семь могъ изгибаться, какъ резина, и лѣтъ ни одного раза не увидѣлъ сочувствовавшего взгляда: одни весело ему рукоплескали, а другіе представленія не улыбался, а мор- просто отворачивались отъ его щился отъ боли. Вотъ уже семь пред- представлений лѣтъ, какъ онъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ вмѣстѣ со своимъ А тѣмъ временемъ онъ росъ, хозяиномъ и каждый вечеръ потѣ- ему шелъ уже двѣнадцатый годъ шаетъ публику, которая платитъ и теперь все чаще и чаще сталь

Эскимосы у береговъ Гренландіи.

Вечеръ въ деревнѣ.

приходить ему въ голову вопросъ: кто онъ? Дѣйствительно-ли онъ дѣлаетъ хорошо, что такъ бесполезно проводить свою жизнь? Онъ мучится, онъ работаетъ изъ всѣхъ силъ, отъ тяжкаго напряженія у него болитъ иногда все тѣло такъ, что онъ долго потомъ не можетъ заснуть,—но кому это нужно? Не счастливы-ли его тотъ бѣдный мальчуганъ, который шьетъ сапоги и съ сознаниемъ исполненнаго долга приходитъ въ воскресенье въ циркъ и платитъ свой послѣдній пяточокъ, чтобы только имѣть право похлопать или пошикать Петрушѣ, котораго онъ не уважаетъ и ремесло котораго считаетъ пустякомъ?

Однажды когда циркъ переѣзжалъ въ другой городъ, хозяинъ заставилъ Петрушу дѣлать свои упражненія въ вагонѣ. Когда маленькій акробатъ обходилъ за тѣмъ съ протянутой фуражкой пассажировъ, то одинъ изъ нихъ брезгливо поморщился и сказалъ:—

— Да отвяжись ты, бездѣльникъ! Кому нужно твое ломанье?

— Но вѣдь это тоже трудъ! отвѣтилъ ему Петруша!

— Трудъ бываетъ производительный и не производительный, отвѣтилъ ему пассажиръ,—нужно дѣлать только то, что полезно и умно!

Эти слова запали въ душу молодому акробату и съ тѣхъ поръ онъ уже не находилъ никакого

интереса въ своей дѣятельности, возненавидѣлъ свой циркъ и только искалъ случая, какъ-бы изъ него уйти.

Но куда онъ пойдетъ? Что онъ умѣетъ дѣлать? Быть можетъ, изъ него вышелъ-бы добросовѣстный работникъ, если-бы такъ неудачно не сложилась его жизнь. Почему онъ не знаетъ, кто были его мать и отецъ? Какъ онъ попалъ къ этому человѣку, который называется его хозяиномъ и такъ испортилъ ему жизнь?

И онъ дѣлалъ усилія, чтобы припомнить, какъ онъ къ нему попалъ. Что-то далекое, туманное, расплывчатое, какъ сонъ, приходило иногда ему въ голову и тогда ему казалось, что онъ вспоминалъ свое дѣтство, свою мать и маленькую сестру, но онъ не могъ припомнить частныхъ и не могъ бы ихъ узнать въ толпѣ. Разбираясь во всѣхъ далекихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, онъ могъ съ увѣренностью сказать, что ѣхалъ когда-то въ экипажѣ, въ горахъ, вмѣстѣ со своими матерью и сестрой и что, положивъ голову къ матери на колѣни, онъ сладко заснулъ. Проснулся онъ потомъ отъ толчка и отъ боли въ спинѣ. Когда-же онъ открылъ глаза, то была уже ночь, онъ лежалъ на землѣ и слышалъ, какъ далеко — далеко впереди гремѣли колеса экипажа, на которомъ уѣзжала его мать. Онъ хотѣлъ ей крикнуть,

позвать ее къ себѣ на помощь, но въ это время по шоссе проѣзжала колымага комедіантовъ, изъ которой вышелъ какой-то человѣкъ и слышавъ его плачь, взялъ его на руки и увезъ его съ собой.

— Славный выйдетъ изъ него акробатъ! обратился онъ къ своей женѣ. — Посмотри, какіе у него мускулы и какъ онъ красивъ! Этого ребенка посылаетъ намъ сама судьба.

Онъ говорилъ не по русски, но на какомъ-то славянскомъ нарѣчьи, такъ что мальчикъ могъ его понять.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ найденныша комедіантъ.

— Петя, отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, вотъ и хорошо! одобрилъ комедіантъ. — Теперь ты будешь жить у насъ!

И съ тѣхъ поръ началась для Петруши бродячая жизнь. Его начали учить кувыркаться, ходить по канату и изгибаться, какъ пружина. Затѣмъ его хозяинъ завелъ себѣ свой собственный циркъ, переѣхалъ въ Россію и сталъ показывать его зрителямъ за деньги.

Все это Петруша припоминалъ, какъ старый, забытый сонъ, и было-ли это дѣйствительностью, или сномъ, онъ не могъ бы этого утверждать; но ему казалось, что это было такъ и онъ любилъ думать о матери, о сестрѣ и горахъ, хотя иной разъ и смѣялся самъ

надъ собой и считалъ выдумкой то, о чемъ мечталъ.

— Но кто-же мои родители? не разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Почему я вспоминаю о той дамѣ съ дѣвочкой и о ночи въ горахъ?

Изящный, красивый, съ добрыми голубыми глазами, теперь уже одиннадцати-лѣтній мальчикъ, Петруша все чаще и чаще сталъ задумываться надъ собой и все чаще, пристальнѣе и нѣжнѣе сталъ заглядываться на дѣтей, которыя приходили къ нему въ циркъ. Почему у нихъ есть матери, а у него ея нѣтъ? Почему они имѣютъ братьевъ и сестеръ и счастливы, а онъ нѣтъ? Онъ дѣлалъ свои изумительныя упражненія на трапеціи, подъ самой крышей цирка, ему часто угрожала опасность сорваться съ высоты, упасть прямо на землю и разбиться на смерть, но онъ не отрывалъ глазъ отъ дѣтей, завидовалъ имъ, не обращалъ вниманія на себя и это еще болѣе дѣлало его храбрымъ и нравилось публикѣ.

— Bravo! кричали сверху мастеровые. Бисъ!

Онъ часто видѣлъ свою мать во снѣ. Онъ не помнилъ ея, но ея образъ, нѣжный и ласковый, составился въ его душѣ и онъ любилъ, когда онъ его посѣщалъ. Когда ему снилась мать, то она всякій разъ говорила ему, какъ она угомила его искать, какъ соскучи-

ласъ по немъ и какъ часто молится Богу, чтобы Онъ помогъ ей его найти. И всякій разъ послѣ такого сна Петруша вскакивалъ съ постели, волновался, хватался за грудь и долго потомъ не могъ заснуть. Около него фыркали лошади, храпѣлъ ручной, одряхлѣвшій слонъ, но посѣтившее его видѣніе матери еще долго стояло передъ его глазами и онъ щипалъ себя и все никакъ не могъ сообразить, во снѣ это или на яву. Успокоившись, онъ ложился вновь съ твердой надеждой, что видѣніе посѣтитъ его опять и долго грустилъ, когда просыпалъ до утра и такъ и не видѣлъ матери во снѣ.

— Господи, шепталъ онъ въ такіе дни,—сжался надо мной! Пошли мнѣ мою мать!

Однажды, выйдя передъ представленіемъ на арену и отвѣсивъ передъ публикой низкій поклонъ, онъ вдругъ увидалъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ даму, которая была страшно, поразительно похожа на ту, которую онъ не разъ видѣлъ во снѣ. Рядомъ съ ней сидѣла дѣвочка лѣтъ девяти и какая-то дѣвчушка, вѣроятно, ихъ прислуга. Это поразило его до глубины души. Все завертѣлось у него въ глазахъ. Не помня себя, онъ хотѣлъ было броситься къ нимъ, но изъ этого вышелъ-бы скандалъ, и потому онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и, все еще не отрывая глазъ отъ дамы и

посылая зрителямъ улыбки, сталъ подниматься по веревкѣ наверхъ и, добравшись до трапеціи, принялся за упражненія. Гремѣла музыка, внизу мелькали огни и виднѣлось цѣлое море головъ, слышались рукоплесканія и ревъ тысячи голосовъ, но онъ позабылъ о себѣ, вертѣлся, падалъ головою внизъ, зацѣплялся одной ногой за канатъ, дѣлалъ въ воздухѣ изумительные прыжки и вновь возвращался къ себѣ на трапецію и съ высоты старался не спускать глазъ съ заинтересовавшей его семьи. А когда онъ кончилъ и спустился внизъ, то все завертѣлось у него въ глазахъ, онъ еле держался на ногахъ, слышалъ, какъ ему зааплодировалъ весь циркъ, видѣлъ, какъ къ нему подошелъ его хозяинъ, когда-то бѣдный и оборванный цыганъ, а теперь бритый, выхоленный господинъ въ дорогомъ фракѣ, бѣлой манишкѣ и въ цилиндрѣ, и похлопалъ его по плечу.

— Молодецъ, Петруша! сказалъ ему хозяинъ.—Ты сегодня превзошелъ себя! Изъ тебя выйдетъ отличный акробатъ!

Ревѣла публика, слышались рукоплесканія, Петрушѣ приходилось не разъ выбѣгать изъ-за кулисъ и раскланиваться передъ толпой, но всѣ эти похвалы и аплодисменты казались ему теперь смѣшными и не стоящими ничего, и его занимала только одна мысль—лишній разъ взглянуть на эту даму, кото-

рая такъ поразительно была похожа на его воображаемую мать, и хоть какъ нибудь обратить ея вниманіе на себя.

— Неужели она не замѣтила меня? задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Неужели я плохо старался и ей не понравилось, какъ я работалъ?

Онъ зналъ, что въ этомъ „работаль“ было мало дѣйствительной, настоящей работы, но онъ выражался такъ, какъ выражались въ циркѣ и всѣ, и теперь былъ радъ, что эту его работу оцѣнили другіе, вызывали его и онъ могъ лишній разъ выбѣжать на арену, раскланяться и поглядѣть на свою мать.

А эта дама едва досидѣла до конца представленія, возвратилась домой и горько стала плакать. Ея дочь Ниночка утѣшала ее, какъ могла, а затѣмъ Петруша сталъ видѣть ихъ въ циркѣ каждый вечеръ, рядомъ съ дамой всегда сидѣла ея дочь и обѣ онѣ не отрывали отъ него глазъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, онѣ—на него и когда оканчивалось представленіе и въ циркѣ водворялись тишина и темнота, то онъ долго еще не могъ уснуть, слышалъ храпъ и ржанье лошадей и тоскливые вздохи слона и все задавалъ себѣ вопросъ:

— Неужели это она? Что, если моя мать еще жива?

Возвращаясь изъ цирка, эта дама тоже не спала всѣ ночи напролетъ и, вспоминая о Петрушѣ, все

думала о своемъ когда-то пропавшемъ сынкѣ. Гдѣ то онъ теперь?

Однажды, пріѣхавъ изъ цирка одна, она залилась слезами и, какъ была, въ шляпкѣ и въ манти, повалилась головою на кушетку. Остававшаяся дома Нина, видѣвшая уже не первый сонъ, вскочила, спрыгнула съ постели и, подбѣжавъ въ одной рубашенкѣ къ матери, обхватила ея шею руками и стала ее утѣшать.

— Не плачь, мама, говорила она. — Не надо! Зачѣмъ ты плачешь? Успокойся! Съ тѣхъ поръ, какъ ты стала ѣздить въ этотъ противный циркъ, ты стала часто плакать... О чемъ ты, мамочка, плачешь?..

Мать подняла голову, отерла слезы, взяла дѣвочку на руки и уложила ее опять въ постель.

— Спи, дѣтка! сказала она. — Это ничего, пройдетъ! Постарайся заснуть поскорѣе!

Но дѣвочка не спала. Выждавъ когда ея мать раздѣлась и подошла къ ней, чтобы ее благословить, она вскочила на постели на колѣнки, снова обхватила мать за шею и крѣпко прижавшись къ ея щекѣ, заплакала и сама.

— Мамочка, сказала она, — ну, скажи, отчего ты такъ стала грустна! Почему ты такъ часто стала плакать?

Мать давно уже ожидала чьего-нибудь участія къ себѣ, ея наболевшая душа давно уже искала,

передъ кѣмъ бы высказаться и излить свою скорбь, и эта неожиданная ласка дочери лишила ее самообладанія, она закрыла обѣими руками лицо и стала горько плакать. Наплакавшись досыта, она отерла слезы, встряхнула съ рѣшительностью головой и притянула къ себѣ свою дочь.

— Ну, такъ слушай-же, Нина, сказала,—что я сейчасъ расскажу!

Онѣ сѣли рядомъ, обнялись и мать начала свой рассказъ.

— Ты была, Нина, тогда еще маленькимъ ребенкомъ и потому не помнишь ничего. Я только что лишилась твоего отца, который умеръ неожиданно и оставилъ насъ сиротами однихъ. Кромѣ тебя у меня былъ еще и сынъ, твой братъ Петя, которому тогда было около пяти лѣтъ. Это былъ прелестный очаровательный мальчикъ съ голубыми, ангельскими глазами и свѣтлыми кудрями, падавшими ему на плечи. Онъ былъ нашъ единственный сынъ и, послѣ твоего отца, я любила его больше всего на свѣтѣ. Но слушай дальше.

Она встала и въ волненіи прошлась изъ угла въ уголъ по спальней.

— Въ то время твоя тетя Надя жила за границей, въ Австріи, въ Триестѣ,—продолжала она. Ея мужъ былъ морской офицеръ и чему-то тамъ учился на мѣстныхъ докахъ. Кажется тому, какъ дѣлать заплаты на пробившіеся корабли. Узнавъ

о смерти твоего папы, и о томъ что я очень тоскую, она пригласила меня вмѣстѣ съ вами къ себѣ. Я обрадовалась, взяла Петю, тебя и няню и отправилась въ Триестъ. Мы ѣхали трое сутокъ до Вѣны, прожили въ ней два дня, а затѣмъ вновь отправились по желѣзной дорогѣ. Но мнѣ хотѣлось показать вамъ горы, къ тому-же ѣзда въ вагонѣ утомляла меня и у меня часто кружилась голова. Доѣхавъ до Лайбаха, я наняла экипажъ и далѣе уже мы отправились по шоссе и должны были проѣхать черезъ горы и къ полночи прибыть на лошадахъ въ Триестъ. Мнѣ хотѣлось чистаго воздуха и для себя, и для васъ. И вотъ мы поѣхали на экипажѣ. Скоро дорога вступила въ ущелье и по бокамъ у насъ стали громоздиться горы, заходившія за облака. Все было для меня ново и интересно. Встрѣчались телѣги южныхъ славянъ, запряженныя быками, слышалась славянская рѣчь, очень походившая на русскій языкъ, которую легко было мнѣ понимать, попадались цѣлыя толпы смуглыхъ женщинъ и мужчинъ, похожихъ на цыганъ... Но вотъ скоро спустилась ночь. Было еще не поздно, но въ горахъ какъ-то сразу стало темно. Одной, только съ вами и съ няней, мнѣ сдѣлалось какъ-то жутко. Встрѣчныя стали попадаться все рѣже и рѣже и вотъ наконецъ мы остались въ ущельѣ

совершенно однѣ. Ты давно уже спала на рукахъ у няни, а твой братъ Петя положилъ свою головку ко мнѣ на колѣни и тоже сладко заснулъ. Освоившись съ положеніемъ, я тоже стала дремать.

Въ сосѣдней комнатѣ часы пробили двѣнадцать. Нина никогда еще не бодрствовала въ такіе поздніе часы, но ей вовсе не хотѣлось спать и, стораю отъ любопытства и польщенная такой внезапной откровенностью матери, она вся превратилась въ слухъ.

— Ну, говори-же, мамочка, говори! заторопила она мать.

Полная охватившаго ее волненія, ея мать уже не сидѣла рядомъ съ ней, а ходила взадъ и впередъ по спальной и хваталась то за грудь, то за виски.

— Такъ мы ѣхали должно быть съ часъ, продолжала она. — Какъ вдругъ я почувствовала какой-то неожиданный толчекъ. Я испугалась, вздрогнула и открыла глаза. „Стой! Стой!“ кричалъ нашъ кучеръ и изо-всѣхъ силъ натягивалъ вожжи. — „Тпру!“ Но лошади его не слушались и несли нашъ экипажъ уже не по шоссе, а почему попало. Очевидно онѣ испугались, понесли и ихъ трудно уже было сдержать. Нашъ экипажъ запрыгалъ по камнямъ, по рытвинамъ и по канавамъ, я еле держалась на мѣстѣ и еле удерживала васъ, какъ вдругъ мы ударились о какой-то выступъ и нашъ кучеръ

слетѣлъ къ козелъ и покатился куда-то внизъ. Почувствовавъ свободу, лошади съ новой яростью помчались впередъ. Я не помню, гдѣ мы ѣхали и какъ. Помню только, что я выхватила тебя у няни изъ рукъ и прижала къ себѣ, а твой бѣдный братъ сидѣлъ сбоку меня и уцѣпился въ мое пальто руками. Бѣдняжка, зачѣмъ я тоже тогда не взяла его къ себѣ! А за тѣмъ случилось то, чего нужно было ожидать. Нашъ экипажъ снова ударился о выступъ скалы и на этотъ разъ такъ сильно, что бѣдный Петя вывалился изъ него на землю и упалъ. Долго еще лошади носили насъ, по разнымъ мѣстамъ, а когда наконецъ онѣ устали и унялись, то и я, и няня были обѣ безъ чувствъ. Придя въ себя, я тотчасъ-же принялась разыскивать нашего Петю, но не нашла его нигдѣ. Часъ спустя, были подняты на ноги всѣ жители ближайшаго селенія, они обшарили всѣ малѣйшіе уголки, всѣ ямки и канавки, но нашъ бѣдный Петя исчезъ безслѣдно.

Она закрыла руками лицо и стала плакать.

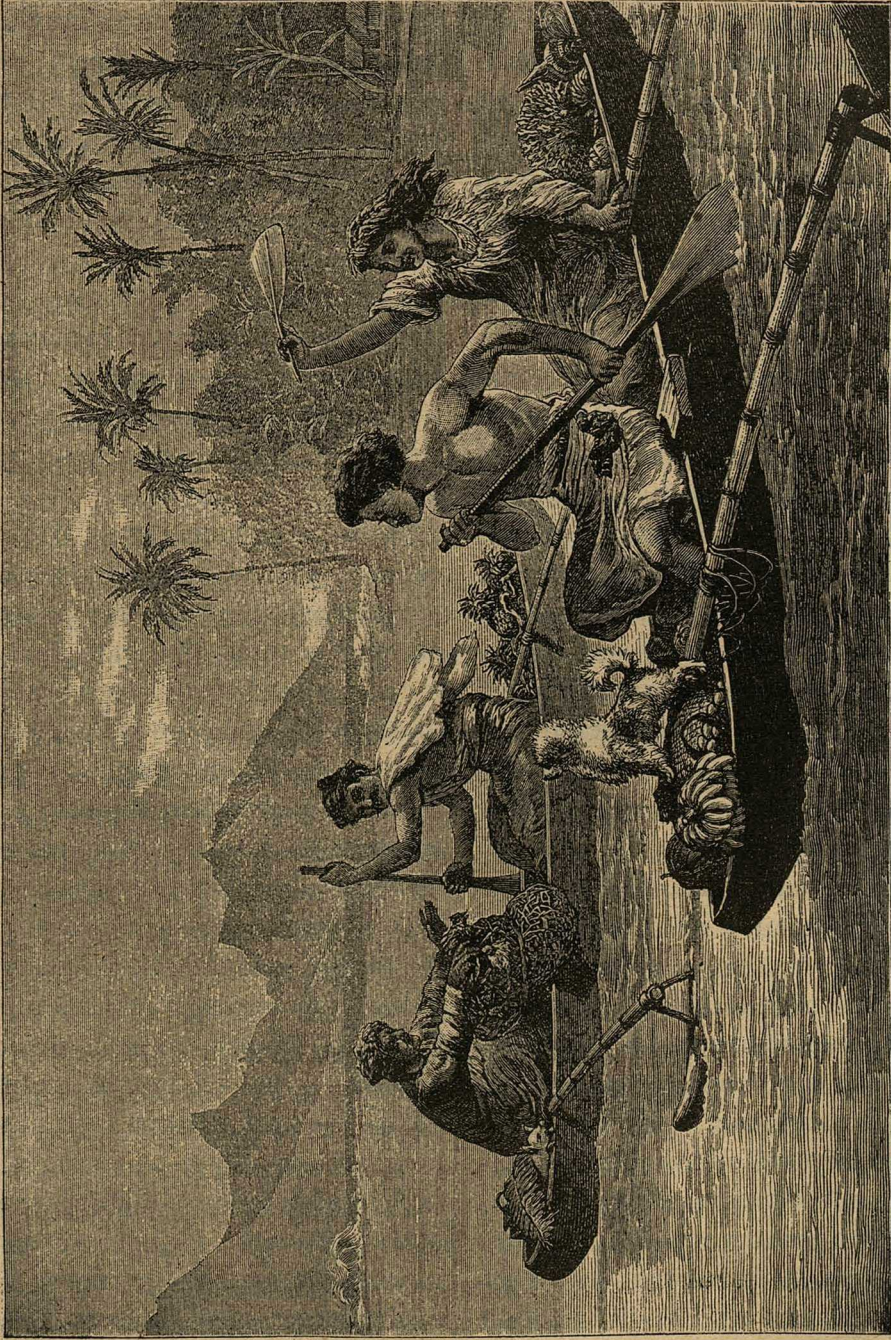
— Значитъ, мама, нашъ Петя не умеръ? спросила дѣвочка. — Онъ только потерялся?

— Онъ потерялся и не нашелся, отвѣтила ей мать, — а развѣ это не все равно?

И вдругъ лицо ея просіяло, она бросилась къ дочери, охватила ея

Въ Аравійской Пустынь безъ воды.

На островахъ Таити.

тепленькое тѣлице руками и стала цѣловать ее въ щеки и лобъ.

— Знаешь, Нина? заговорила она потомъ.— Я считала нашего Петю погибшимъ и уже примирилась съ тѣмъ, что его нѣтъ уже въ живыхъ, какъ вдругъ лучъ радостной, свѣтлой надежды заблесталъ передъ мною и освѣтилъ мою одинокую, вдовью жизнь. Помнишь мы тогда были съ тобою въ циркъ и видѣли мальчика-акробата, который такъ безстрашно кувыркался подъ самымъ потолкомъ? Увидавши его, я съ перваго-же раза узнала его! Это онъ, мой бѣдный, несчастный сыночекъ! Они, эти злые люди, исковеркали его жизнь, изломали его члены и заставили его изгибаться такъ, что тяжело смотрѣть! Съ тѣхъ поръ я стала каждый вечеръ водить тебя въ циркъ и не отрывала глазъ отъ этого несчастнаго мальчика...

Нина не ожидала отъ матери такого откровения и смотрѣла на нее молча, широко открывъ глаза и ротъ. Ей казалось страннымъ и то, что рассказывала ей сейчасъ мать, и то, что, такая взрослая и серьезная женщина, разоткровенничалась передъ нею, такимъ маленькимъ ребенкомъ. И чтобы доказать, что она достойна такого довѣрія, она спрыгнула съ кровати, бросилась къ своей матери на шею и стала ее цѣловать.

— Мама, милая, дорогая, безцѣнная мама! заговорила она, хо-

тѣла продолжать дальше и не могла.

Теперь уже повеселѣвшая и довольная тѣмъ, что подѣлилась своимъ горемъ съ другими, ея мать отвела ее на кровать, присѣла къ ней и стала ее гладить по головѣ.

— А теперь—спи, моя дѣвочка!.. сказала она.— Закрой свои глазки и усни!

Онѣ обѣ легли спать, но еще долго разговаривали вмѣстѣ, строили планы, вспоминали и мечтали о будущемъ и наконецъ, успокоившись и наговорившись досыта, уснули.

Весь слѣдующій день Нина была сама не своя. Она проснулась рано, все думала о томъ, что рассказала ей вчера мать, бродила какъ тѣнь, и съ нетерпѣніемъ ожидала, когда настанетъ наконецъ вечеръ. Ее сильно тянуло въ циркъ. А ея мать, наоборотъ, сидѣла угрюмо у стола, подперевъ голову руками и то и дѣло прикладываясь къ подушкѣ: у нея мучительно болѣла голова. А когда свечерѣло и наступилъ наконецъ вечеръ и время было идти въ циркъ, то дѣвочка отправилась туда съ няней одна. Ея мама хотѣла было отправиться вмѣстѣ съ ней и не смогла.

А въ это время и Петруша былъ самъ не свой. Онъ считалъ часы и минуты, когда увидитъ своихъ знакомыхъ опять, на ихъ прежнихъ постоянныхъ мѣстахъ, и ждалъ, когда освѣтятъ циркъ и публика начнетъ заполнять собою ряды. И

когда наконецъ заигралъ оркестръ и послѣ представленія наѣздника съ лошадьми онъ выскочилъ на арену и отвѣсилъ передъ публикой поклонъ, то онъ почувствовалъ на себѣ жадно-устремленные глаза Нины. Онъ посмотрѣлъ на нее такимъ-же взглядомъ, какъ и она на него, какой-то внутренній голосъ подсказалъ ему, что она знаетъ уже обо всемъ, и онъ весело и по-братски ей улыбнулся и послалъ ей воздушный поцѣлуй. И для болѣе внимательнаго наблюдателя показался-бы довольно любопытнымъ тотъ взаимный обмѣнъ симпатій, который происходилъ затѣмъ во весь этотъ вечеръ въ циркѣ между маленькой дѣвочкой и акробатомъ.

Въ воздухѣ давно уже носился запахъ какой-то гари. Но играла музыка, остряли клоуны, публика смѣялась, глядѣла на дрессированныхъ лошадей и на слона и не замѣчала того, что происходило въ это время за кулисами цирка. Тамъ, отъ брошенной кѣмъ-то папироски загорѣлось сѣно, огонь перешелъ на перегородки, загорѣлись и онѣ, и уже давно содержатель цирка, чтобы не испугать публику, тушилъ домашними средствами занявшійся пожаръ. Но скоро онъ выбился изъ силъ, огня нельзя было унять и въ тотъ самый моментъ, когда Петруша исполнялъ свои трудныя упражненія подъ потолкомъ, вдругъ клубы дыма проби-

лись въ самый циркъ и кто-то пронзительно закричалъ:

— Пожаръ! Горимъ!

Въ неописуемомъ ужасѣ всѣ зрители вдругъ повскакали со своихъ мѣстъ, бросились къ выходамъ, начались давка и тѣснота, одни подмяли подъ себя другихъ и въ страхѣ за свою собственную жизнь не думали уже о жизни другихъ. Въ какой-нибудь одинъ моментъ пожаръ принялъ угрожающіе размѣры. Весь циркъ вспыхнулъ со всѣхъ сторонъ, какъ костеръ. Послышались крики, стоны, всѣ зрители столпились у входовъ, мѣшали другъ другу пройти, падали, срывались внизъ, по аренѣ бѣгали съ ржаньемъ лошади и не знали, куда имъ убѣжать отъ огня. Обезумѣвъ отъ страха, няня бросила Нину одну и бросилась туда, куда повлекло ее неукротимое желаніе поскорѣе спастись. Одна, брошенная на произволъ судьбы, маленькая Нина сидѣла въ своемъ креслѣ, не зная, что ей дѣлать и что предпринять, и не смѣя двинуться съ мѣста и бѣжать. Большими, испуганными глазами она смотрѣла, какъ убѣгалъ народъ, какъ носились по аренѣ обезумѣвшія лошади и какъ языки пламени прорвались наконецъ въ циркъ и стали лизать потолокъ, колонны и мѣста.

И вдругъ передъ нею явился молодой акробатъ.

— Не бойтесь! сказалъ онъ ей.—

Беритесь за мою шею и не разжимайте рукъ!

Онъ схватилъ ее, крѣпко прижалъ ее къ себѣ и побѣждалъ съ нею туда, гдѣ свирѣпствовалъ уже огонь и гдѣ онъ только за полчаса передъ тѣмъ показывалъ на трапеціи свое искусство.

— У входовъ столпился народъ, сказалъ онъ по дорогѣ, — тамъ теперь не пройдешь! Мы должны спастись другимъ путемъ!

И уцѣпившись одной рукой за канатъ, онъ, какъ кошка, сталъ подниматься куда-то наверхъ, Нина услышала, какъ подъ его ногами загремѣло вдругъ желѣзо на крышѣ и почувствовала, какъ свѣжій воздухъ вдругъ пахнулъ ей прямо въ лицо. Значить, они спаслись. Внизу кричали пожарные, шипѣли насосы, выбрасывавшіе цѣлыя струи воды, звонили колокольчики на лошадяхъ, гудѣлъ набатъ на церквахъ и всѣ сосѣдніе дома были окрашены въ красный, зловѣщій цвѣтъ. Золотой куполъ на соборѣ казался вылитымъ изъ расплавленной мѣди и лица у всѣхъ, суетившихся вокругъ горѣвшаго цирка, были красны, какъ у индѣйцевъ.

Почувствовавъ себя внѣ опасности, Нина вскрикнула и лишилась чувствъ. А когда она пришла потомъ въ себя, то была уже у себя дома и лежала на своей постели. Около нея суетились ея успѣвшая во время выскочить изъ цирка няня, докторъ и мать и тутъ-

же сбоку стоялъ и маленькій акробатъ. Онъ все еще былъ въ своемъ трико, но оно было все разорвано на плечахъ и на груди и на шеѣ у него теперь виднѣлся крестъ. Мальчикъ скромно стоялъ въ сторонѣ и ждалъ, когда Нина придетъ въ себя.

— Вы мой спаситель!.. обратилась она къ нему. — Вы меня спасли!

Это были ея первыя слова.

Мальчикъ улыбнулся ей въ отвѣтъ. Но въ это время ея мать взяла Петрушу за руку и подвела его къ больной.

— Нина, обратилась она къ ней. — Вотъ твой братъ Петя! Обними его и поцѣлуй!

Дѣвочка взяла мальчика за виски и притянула его голову къ себѣ. И въ то время, когда ихъ лица были уже близко одно къ другому, съ его шеи свѣсилъ крестъ и легъ ей на грудь рядомъ съ крестомъ, висѣвшимъ на шеѣ у нея. Оба креста были одинаковы, но никто этого не замѣтилъ, кромѣ одной только матери, которая глядѣла на своихъ дѣтей и отъ радости не могла говорить.

— Ну, теперь вы всѣ въ сборѣ! обратился къ ней старичекъ-докторъ, еще лечившій ея покойнаго мужа. — Нина пришла въ себя; вы нашли своего пропадавшаго сына, — теперь остается только пожелать вамъ побольше счастья и уйти!

И онъ взялся за шляпу и, неза-

мѣченный никѣмъ, тихонько ушелъ. лось и здѣсь. Мать и ея дѣти были
 У счастья свои законы и когда слишкомъ заняты собой, чтобы за-
 человекъ счастливъ, то онъ ду- мѣтвить уходя старичка.
 маеть только о себѣ. Такъ случи- М. С. Шабельскій.

ДѢТСКІЙ БАЛЪ.

У Сонечки былъ балъ: пришли ея подружки,
 Явились мальчики и танцы начались,
 Отъ счастія у нихъ зардѣлись щечки, ушки
 И радостью у всѣхъ глаза зажглись.

Имъ Эмма Карловна играла на рояли,
 Добыто было много новыхъ нотъ,
 И такъ они усердно танцевали,
 Что съ мальчиковъ катился градомъ потъ.

О танцахъ шли бесѣды между ними
 И кто-то вдругъ изъ нихъ сказалъ:
 — «Когда мы выростемъ совсѣмъ большими,
 «То каждый день мы будемъ дѣлать балъ!»

А тутъ родители на нихъ глядѣли,—
 Старушки, старички,—и стали всѣ шептать:—
 — «Что, если-бы мы вдругъ помолодѣли,
 «То какъ-бы весело пустились мы плясать!»

И всѣ мы такъ: иль ждемъ чего, иль сожалѣемъ;
 А ужъ давно готовъ для всѣхъ одинъ отвѣтъ:—
 «Не цѣнимъ мы того, что мы имѣемъ,
 И плачемся о томъ, чего давно ужъ нѣтъ!»

М.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Что летаетъ и таетъ, а когда
 на озябшее мѣсто упадетъ, то на
 немъ выступаетъ потъ?

II.

По чему человекъ топчется но-
 гами, что стираетъ съ мыломъ въ
 корытѣ и что потомъ надѣваетъ
 на голову?

III.

Названія какихъ насѣкомыхъ и птицъ заключаются въ слѣдующихъ фразяхъ:

1) Мы уже посадили тюльпаны въ гряды.

2) Стоявшая у жолоба бочка разохлась безъ воды.

3) Тимошка, клеверъ и вика уже взошли и стали между собою сплетаться.

4) Козы — большія проказницы; онѣ прыгаютъ даже черезъ огонь; но на большомъ кострѣ коза однажды чуть не сгорѣла.

5) Гитара канифоли не требуетъ; это только для скрипки нужна канифоль.

6) Папа укладывалъ книги въ ящикъ и ушибъ себѣ ногу.

7) Настала весна, зазеленѣла травка и зацвѣли черемуха и подснежникъ.

8) На берегу сидѣли дѣвочки и пѣли.

9) Не всякая шутка пріятна.

10) Шумливо и красиво Рона вытекаетъ изъ Женевского озера.

11) Я сидѣлъ въ вагонѣ въ тепломъ углу, Харьковъ былъ еще далеко и я могъ спокойно и вдоволь поспать.

12) Эта дѣвица пляшетъ очень красиво.

IV.

Названія двухъ европейскихъ столицъ поставлены рядомъ и заключаютъ въ себѣ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.

Буквы 4. 2. 1. 6. 9. 13 означаютъ надоѣдливое насѣкомое, 5. 2. 9. 2. 12. 6 — хищную птицу, очень частую въ городахъ и деревняхъ; 4. 9. 2. 10. 11. 4. 13 — длинноухое животное,

2. 9. 8. 10. 13 — царя птицъ, 3. 2. 7. 6. 4. 6 — нашего друга, 7. 6. 7. 6. 9. 6. 12. 13 — инструментъ, необходимый въ войскахъ, 7. 10. 11. 12. 13 — вкусное блюдо, 9. 8. 7. 9. 2 — часть скелета человѣка и животныхъ, 3. 2. 10. 2. 1. 6 — то, что остается послѣ молотбы хлѣба, 10. 11. 1. 2. 12. 13 — душистый фруктъ, 1. 6. 10. 11. 12. 6 — душистую красную ягоду, 5. 6. 4. 3. 6 — то, что даетъ блескъ.

Отгадать всѣ эти слова и узнать, названія какихъ двухъ столицъ задуманы?

V.

Шуточные вопросы: 1) Какой мѣсяцъ на какомъ мѣсяцѣ могъ-бы жениться?

(предложилъ Андриуша Федотовъ).

2) Въ Китаѣ, говорятъ, очень строгіе и своеобразные законы и казнятъ тамъ за сущіе пустяки. Одинъ китаецъ при встрѣчѣ съ мандариномъ чихнулъ и былъ за это немедленно повѣшенъ. За что его повѣсили?

(предложила Таня Волкова).

3) Почему каждому необходимо учиться читать и писать?

(предложила Оля Енакіева).

VI.

Задуманы четыре слова, означающія:

1) То, чѣмъ умываются.

2) То, изъ чего плетутъ рогожи.

3) То, изъ чего пекутъ булки.

4) То, на что вѣшаютъ лампы.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первой и по послѣдней буквѣ и поставить ихъ всѣ рядомъ, такъ, чтобы можно было прочесть по нимъ названіе плотничьяго инструмента.

Какія это слова и какой это инструментъ?

Скороговорка: Не то важно, что

важно, а важно то, что не важное да важно! Вотъ это—важно! А то что за важно?

Рѣшеніе ребуса № 6, помѣщенного въ № 6 „Золотого Дѣтства“.

Уста + р + ушки + око + л + о + о +
+ кошка + зр + ели + гр + уши =
у старушки около окошка зрѣли
груши.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса и предыдущихъ головоломокъ прислали: Андрюша Федотовъ—донской казачекъ, Мушка Ляшевская изъ Таганрога, Женя Стрекоза, Липа Кистеръ, Муза Смирнова изъ Калуги, Лида, Леля и Яша Комаровскіе изъ м. Ивенець, Митя Ивановъ, Петя Пышкинъ, Маруся Хаймовичъ изъ Гадяча, Зина и Таня Таировы изъ Чернигова, Леночка Иванова, Лелечка Повалищина, Нина Терлецкая, Коля Леоновъ изъ Варшавы, Нада Крылова, Сережа Фойницкій, гимназистъ Семенъ Рабанъ изъ Вильны, Саня и Вася Петерсонъ изъ Газенпота, Иванъ Устрѣцкій, Люля Никитина, Евгения Масловская, Георгій Розенбергъ, Воря и Ларя Афанасьевы, Плишъ и Плумъ и ихъ друзья Максъ и Морицъ, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Гродны, Рома Безгузовъ изъ Архангельска, Подсѣвжники и Фіалка, Женя Радинъ въ Спб., Зоя Рождественская и Маруся Климова изъ Кугульты, Андрюша Николаевъ, «Золотая Дѣтка», Ростиславъ Александровскій изъ Новоалександровска, Нина Бергъ, Зина Ясинская изъ Оранъ, Сережа Тупканчикъ, Конрадъ Черноцкій изъ Суйды, Дѣвочка-Доймовочка, Маруся Протопопова, Лада Иванова, Шалунъ-Шурикъ изъ Усикирко, Оля Иванова въ Спб., Вася и Миша Полтавскіе въ Спб., Вася и Нада Кузьмичевы, Ника Ракитинъ, Миша Философовъ, Витя Дроновъ изъ Петергофа, Надюша Функельштейнъ, Loulou и Nelly, Миша, Коля, Маруся и Лиля

Побѣдимовы, Вася Климовъ, Женя Мравинскій, Коля Михайловъ въ Спб., Павля, Лиля и Леля Ермолаевы, Леля Тимоновъ, Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Борисъ фонъ-Бремзенъ въ Спб., Миша Суровецъ въ Спб., Соня Бѣльская, Володя и Муся Визи, Галя Козлова изъ Могилева на Днѣпрѣ, Ксеничка Цетреусъ изъ Вильны, Леля Юрасовъ, Изя Стунникеръ изъ Лодзи, Евгения Бобовская изъ Гродны, Юля и Ваня Томпловы изъ Твери, Ваня Гольдштейнъ изъ Кѣлецъ, Лида Деньгина и Тоня Богданова, Костя Блюмъ изъ Гродны, Елена Благоправова изъ Галича, Ася Яковлева, Шура Егорова изъ Кіева, Сережа, Оля и Лена Павловичи, Коля Абакановичъ изъ Николаева, Сережа Лобочкій изъ Орла, Ольга Енакіева въ Спб., Аля Чижевскій въ Спб., Оля Павлсва изъ Харькова, Зина и Валя Купшваревы, Шурикъ Остенъ изъ Поневъжа, Галя Русиловичъ изъ Ковеля, Лида, Галя и Валя Ляпины изъ Липецка, Ядя и Юля Чайковскіе изъ Дурасовки, Слава Василенко изъ Харькова, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Подписчица изъ Бѣлева, Борисъ Маринъ со ст. Чадырь-Лунга, Варя Апарина со ст. Синельниково, Анна Черноуцанъ изъ Котляжанъ, В. Хомицкій изъ Кіева, Игорь и Ярославъ Николаевы изъ Николаевска Самар. г., Галя Ротмистрова изъ Житомира, Станиславъ и Константинъ Кушлейко, Азриель Урысовъ изъ Лодзи, Соня Симонова, Шура Номикосова изъ Новочеркасска, Олюша Вендеровичъ изъ Таганрога, Шура и Галя Фруктовы изъ Елатъмы, Галинетъ Гладченко, Коля Гавриловъ изъ Сандомира, Ника Ерченко изъ Кіева, Катя, Маня и Лида Протасовы изъ Жиздры, Наташа Бордогова изъ Калуги, Саша Спекторъ, Люся и Леля Павловы, Шура Николаевская изъ Новочеркасска, Е. Лукьяновъ, Наташа и Леля Сикевичъ изъ Замброва, Дюська и Жоржикъ Чернышовы, Толя и Саша Стратонитскіе изъ Нѣжина, Никулушка-простота, Шура и Коля Бѣльченко изъ Перемышля, Ѳедоръ Петровъ—уч. 1-го класса въ Спб., Леша Колесниковъ.

Книга съ раскрашенными картинками „СЪДАЯСТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

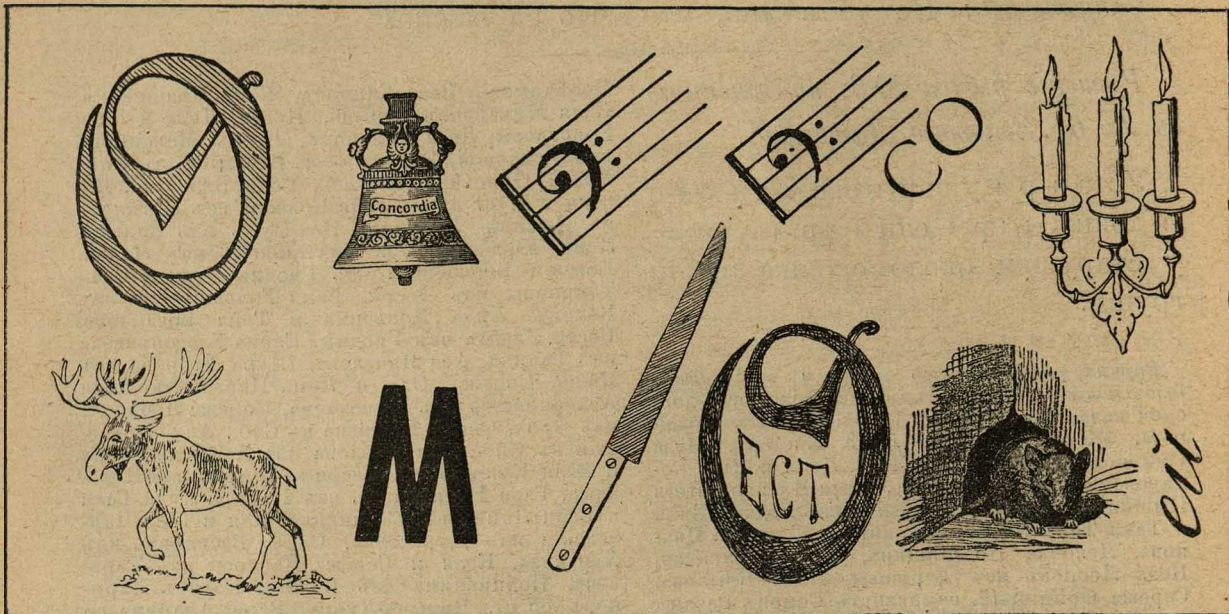
Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ). **Высылается наложеннымъ платежомъ.**

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.
Телефонъ 587—29.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на
художественно-литературный журналъ
для дѣтѣй (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, 'отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Особое приложение: книга рассказовъ и повѣстей для дѣтей со многими рисунками въ текстѣ:

„ВЪ УЮТНОМЪ УГОЛКѢ“.

Въ нее войдетъ большая повѣсть

≡ **„Маленькій матросъ“** ≡

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.